

женщинами аморальними.

Это в некотором случае неуязвимая независимость, власть, крутость, склонность к манипуляции, агрессии, прежде всего желание деструктивного доминирования над противоположным полом, напоминают созданные в 1990-х годах образ женщин названных “суками”, очень чётко проанализированный в книге Элизабет Вуртзел: «Bitch: In Praise of Difficult Woman». “Pod koniec XX wieku postać ta zostaje wzbogacona o cechy przynależne dotychczas *femme fatale* i czarownicy, a wcześniej jeszcze postaciom tylko męskim” [3, с. 42]

У Сапковского присутствуют прирученные уроды. Несмотря на то, что главная задача Ведьмака это уничтожение изуверов, оказывается, что чудовища не такие уже и страшные. Вампир Рэгис является лучшим другом Геральта, это чуть ли не наиболее человечная личность Саги – герой вполне позитивный.

Геральт демонстрирует нечеловеческую силу, стоит на стражи справедливости, но и чувствует решительно больше, чем ему следует.

Креация Ведьмака это ответ на современный спрос о сверхчеловеке. Это одна из фигур популярной культуры, сакрализованная потребительским обществом, как герои из комиксов (Супермэн, Спидермэн, Батман), а также кино-экшинов (прежде всего созданный Яном Флемингом в 1950-х годах Джеймс Бонд).

ЛИТЕРАТУРА

1. Baranowski B.: W kręgu upiorów i wilkołaków: Łódź 1981.
2. Fulińska A.: Czekając na dalszy ciąg: „Dekada literacka”1986/3.
3. Kaczor K.: Geralt, czarownice i wampir. Recykling kulturowy Andrzeja Sapkowskiego: Gdańsk: słowo/obraz/terytoria 2006, s.19-21.
4. Интервью з Анджеём Сапковском: газета „Życie” 04.09.1999.
5. Moszyński K.: Kultura ludowa Słowian: Warszawa 1968.
6. Trębicki G.: Fantasy. Ewolucja gatunku: Kraków Universitas 2007.
7. www.culture.pl/pl/culture/artykuly/os_sapkowski_andrzej
8. Войтонь Р.: Різні види зла. Слов’янські міфологічні та біблійні джерела демонічних образів, [w:] Літературознавчий обрій. Праці молодих учених, вІнститут літератури ім. Тараса Шевченка НАНУ, Випуск 11,Київ 2006, с. 5-10.
9. Войтонь Р.: Современная идентификация зла – картина нового героя в польской fantasy, Dugavpils Universitāte (конференція 24.01.2007).

SUMMARY

The article deals with the analysis of “Saga of the witcher” by A. Sapkovsky. The basic aspects of influence of Polish mythology on conception of the main images and the plot of fantasy are presented. Reflection of the present in the work of literature is considered.

Ольга Волошина

МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ ИЗУЧЕНИЯ ПОНЯТИЯ ПРАВДА / ИСТИНА В ИНСТИТУЦИОНАЛЬНОМ ДИСКУРСЕ

Целью данной статьи является рассмотрение методологической основы изучения дуального концепта «правда / истина» в богословском и философском дискурсах.

Актуальность выбранной темы объясняется в первую очередь ее многоаспектностью: поиск истины осуществлялся человеком с давних времен в различных сферах, начиная от философии и заканчивая точными науками. Наиболее обширно понимание истины / правды исследовалось в богословии. Исследование понятия «правда» нашли свое отражение в позитивистской и постмодернистской теории. Первая систематизация лингвистической репрезентации концепта была произведена Альфредом Тарски в начале двадцатого столетия [19]. В настоящее время не существует единой дефиниции для определения понятий «правда/ истина», они постоянно дополняются и уточняются учеными по всему миру с точки зрения различных областей науки. Будучи одним из основополагающих концептов, понятие истины / правды влияет на формирование наивной картины мира.

Языковая картина мира любого носителя языка складывается не только из лексических единиц, но так же из целого поля концептуальных надстроек, формирующих понятийный аппарат говорящего или реципиента. Согласно мнению Бориса Успенского [15], язык как таковой может рассматриваться двояко: не только как средство коммуникации, но и как средство фиксации некоего содержания безотносительно к акту коммуникации, при этом акцент делается на способах выражения содержания. Продуктом концептуального выражения определенной информации являются безусловно прецедентные тексты культуры, на наш взгляд это в первую очередь Святые Писания и философские трактаты. Согласно мнению Успенского и Лотмана, [16] культура как таковая понимается как «ненаследственная память коллектива,.. система коллективной памяти и коллективного сознания,» которая «одновременно неизбежно является некоторой единой для данного коллектива ценностной структурой». Соответственно, лингвокультурные концепты, существующие как основополагающие или универсальные при формировании понятийного аппарата носителя языка, зачастую являются еще и в той или иной степени ценностномаркированными.

Одним из таким концептов в различных культурах является концепт «правда».

При рассмотрении истории функционирования понятия «правда» и смежных с ним синонимического «истина» и антонимического «ложь» обнаруживается, что в различных культурах данные концепты воспринимались по-разному. В отдельных случаях, рассматривая концептосферы упомянутых понятий, мы наблюдаем достаточно серьезные расхождения в их интерпретации [17, с.224]. Особенно ярко расхождения проявились в религиозном и философском дискурсах: если в английском языке концепт «truth» функционирует как универсалия, не меняя своего значения ни в повседневной речи, где ему присущи черты объективизма, ни в религиозном дискурсе («Gospel truth»), то «специфической чертой русской культуры ... в интересующем нас аспекте является ее принципиальная полярность, выражающаяся в дуальной природе ее структуры. Основные культурные ценности (идеологические, политические, религиозные) в системе русской ЯКМ располагаются в двуполусном ценностном поле, разделенном резкой чертой и лишенном нейтральной аксиологической зоны» [16]. В такой лингвокультурной традиции все в принципе могло восприниматься в теологическом ключе: не только содержание, но и форма могла восприниматься

как отражение Божественной истины, как непосредственное свидетельство о Боге. Такой подход формирует впоследствии резко негативное отношение к другим языкам, так как они ассоциируются у православных христиан с иным вероисповеданием. Восприятие латинского языка как типично еретического делает невозможным обращение к латиноязычной ЯКМ даже в ознакомительных целях, поскольку невозможным является как ведение церковной службы, так и изложение Божественной истины на каком-либо языке кроме церковнославянского. Еще Татищев свидетельствовал в «Разговоре двух приятелей о пользе науки и училищ» (1730-х гг.), что многие «учете чужихъ языковъ, особливо латинскаго, поставляютъ въ грѣхъ» [13, с.24].

Церковнославянский язык традиционно понимался именно как средство выражения Богооткровенной истины. Это не предполагает рационалистическую концепцию текста как объекта, критически воспринимаемого субъектом, – текст воспринимается при этом как реализация единственно правильного из потенциально возможных способов передачи некоторого имманентного содержания [16].

Высказывание П. Флоренского «если истину можно искать, значит она есть» (цитируется Исуповым К.Г.[8]) ставит под сомнение очевидность истины в философском дискурсе безотносительно того факта, что для носителей великорусской традиции Евангелие и вообще Св. Писание, будучи богооткровенным текстом, есть истина сама по себе, которая принципиально не зависит от воспринимающего субъекта. Сакральная форма и сакральное содержание по самому своему существу не могут быть расчленены, одно предполагает другое. С этой точки зрения истина связывается не с правильной интерпретацией, а с правильным воспроизведением текста [2, с.1].

В то же время некоторые представители югозападнорусской традиции отделяют форму выражения от содержания. По утверждению Стефана Яворского Евангельский текст не есть истина («глаголы точию, а не самая истинна»); истиной считается содержание этого текста [11].

В этих условиях возникает уже в большей степени философский вопрос о природе правды и истинности и набирает силу кантовская концепция «двойной истины». Конфликт конвенционального и неконвенционального понимания знака проявляется не только в языковой сфере. В релятивной картине мира, придуманной Эйнштейном, «правда выводится по заданным правилам логической игры... (В его) релятивном мире не может быть Истины, так как он в ней не нуждается... «Правда» же уступчива, она поддается мировоззренческой формовке... Истина мстительна: теолог иудейской ориентации – Георг Кантор, создатель теории множеств (1870), идея которой возникла (по его уверению) из созерцания Троичного единства, запутался в парадоксах своей конструкции и умер безумцем в январе 1918 г.» [8].

В это же время в своей статье «правда/ «истина» на русской почве» К.Г. Исупов описывает соотношение этих двух концептов следующим образом: «По ближайшему определению, правда – это истинностная адекватность события информации о нем. Слово восходит к славянской антитезе «правда/кривда»; через архаическую оппозицию «правого/левого» закрепились как языческий рудимент в составе кардинальных национально-христианских представлений (праведное/грешное; ср.

«Русская Правда»); сакральных формул клятвы («ей-Богу, правда»; «святая правда») в теологической («православие»), юридической («правеж», «правительство») и педагогической («направник») терминологии... Древнейший топос дольней горизонтали (правда взыскуется в пути; тема странников-правдоискателей в фольклоре и литературе), усложнен... вертикалью молитвенного диалога с Богом как Сущей Правдой (Истиной-Естиной) бытия. На «правду» перенесена апофатическая атрибутика: в «отрицательном» смысле правда несказанна, загадочна, чудесна, невыносима и даже жестока, несокрушима, имперсональна, неподсудна, безначальна, вневременна,... В аспекте катафатики правда всеблага, богооткровенна, софийна, субстанциональна, неделима, спасительна, всечеловечна, конкретна, совершенна. Дуальная (сакрально-мирская) фактура правды и ее двойная... событийная природа породила укорененную в падшем сознании антитезу «Истина/Правда». В парадигму первой вошли неотмирность, бесстрашие, справедливость, абсолютность; второй – посюсторонность, пристрастие, этическая конъюнктура, аморфность, релятивность. Истина онтологична (этимон-субстантив – «естина») и единственна, правда относительна и множественна. Традиционное русское мышление под «правдой» понимает Божью правду, т. е. «Истину» в сакрально-авторитарном контексте. Из конъюнктурного признания правды и Истины равночестными состояниями мира рождается идеология «двойной истины» и та «теомахия» двух правд, о котором говорил в эссе «Гамлет» П. Флоренский применительно к герою Шекспира... Правда св. Писания приходит на чужом языке и приносит с собой властные структуры как хозяйски организованную информацию. Мифология власти рождается на импорте сакральной правды и социального авторитета вождя. Поэтому становится возможной и мифология потребной правды и ее редактирование в формах обмана и самообмана («тьма низких истин»/ «возвышающий обман» у Пушкина)» [8].

Пространство релятивной правды включает факты, изъяты из каузального ряда и сгруппированные в квази-поясняющую их идеологизованную композицию. На этом строятся практики политической цензуры, фальсификации прошлого и мифология истории. Мир Истины заполнен событиями, т.е. смысловыми следами фактов. Правда же стала приемлемой «в форме лжи» (А. Платонов), «прелести» (М. Пришвин – для него правда бездарна, а ложь всегда талантлива)... Соответственно, к концу XX в. общество испытывает потребность в правде как таковой, правда становится объектом жизненного поиска и центральным вектором национального самоопределения» [8].

В современной русской народной и философской культуре появившиеся коннотации искомой «правды» создают новые, зачастую полярные оттенки истинности: «"П." в русскоязычной традиции выступает синонимом слов: "закон", "справедливость", "правосудие", "обет", "обещание", "присяга", "правило", "заповедь" и т.п. (например, "Русская П." как правовой кодекс древней Руси; "П." у П.И.Пестеля)... "П." артикулирует собственное божественное начало, в отличие от истины как действительности, как начала человеческого, - см. Псалтырь: истина "от земли восходит", П. же "с

небес принимается". (В.Даль, Флоренский выводили "истину" от "естины" - "есть", т.е. принадлежит самому существу)»[7].

В XX веке в рамках русской и украинской философии «историческая и контекстная подвижность границы между истиной и ложью сделала очевидным эвристическое преимущество триад типа "П. - истина - ложь" перед бинарной оппозицией "истина - ложь" как для представителей европейской гуманитарной традиции, так и для космополитически ориентированных интеллектуалов всего мира» [10]. Соответственно, в современных литературных опусах мы находим следующие высказывания: 1. Истина для каждого человека очень индивидуальна. Отношение ко лжи у каждого из нас, соответственно, тоже разное. 2. Многие из того, что мы делаем, оказывается правдой для нас, но ложью для окружающих. Кроме того, в каждой стране, в каждом обществе существуют свои истины, свои правда и неправда. 3. Яркое прозвучало высказывание А.Гитлера: «Любая ложь может стать правдой, если ее часто повторять, снова и снова подчеркивать, говорить ее всем подряд на каждом углу» [4]. 4. Правда есть истина в действии [18]. 5. "Правда – свет разума", "правда суда не боится", "не ищи правды в других, коли ее в тебе нет..."[9] 6. Правда не приходит одна, с ней заскакивает исключение [2] 7. Все законы мира относительно и временно правдивы, так что если вы знаете какой либо закон- это еще не означает что вы знаете правду [11].

Среди представителей русской интеллигенцией в силу ее исторического положения в советский период стала единственно возможной идея уравнительной справедливости, общественного добра; воля к народному благу парализовала любовь к истине, почти что уничтожила интерес к истине. «А философия есть школа любви к истине, прежде всего к истине. Интеллигенция не могла бескорыстно отнестись к философии, потому что корыстно относилась к самой истине, требовала от истины, чтобы она стала орудием общественного переворота, народного благополучия, людского счастья» [10].

В постсоветский период под влиянием мощного потока информации, ранее недоступной, меняется не только сама концепция восприятия рассматриваемых понятий, но и угол рассмотрения. Если поколению 1960х годов как генерации успешно реализовавшихся физиков, кибернетиков и семиотиков – структуралистов присуще в большей мере позитивное мышление, идеей их общественного устройства являлись логический позитивизм и вера в истину в последней инстанции, в истину, которую можно было адекватно выразить вербальными средствами, то постмодернистов и постструктуралистов, ставших в определенном смысле жертвами концептуального манипуляционизма, в их 1990е больше привлекала идея так называемой «сослагательной метафизики» (термин зафиксирован В.Е. Кемеровым), стратегии неуверенности и неопределенности, сослагательное наклонение в речи и часто используемый оборот «как бы» (Руднев) [12]. Соответственно, в данный период речь не идет о четкой оформленности концепта.

Гораздо более интересные трансформации дуальный концепт «правда/истина» претерпевает в последние 10 лет: появляются новые отрасли науки, такие как квантовая философия [14], рассматривающие концептуальные проблемы с применением метода математического

моделирования. Соответственно, меняется и само определение правды: «Точка зрения создает перспективу. Перспектива определяет интерпретацию. Интерпретация формирует восприятие. Восприятие рождает ощущения и опыт. Ощущения и опыт закрепляют точку зрения. Точка зрения, отличающаяся постоянством, вне зависимости от ракурса и перспективы, спонсирует схожие интерпретации и ощущения. Рождающийся из этого опыт формирует веру. Вера, базирующаяся на стабильно повторяющемся опыте и закреплённая в интерпретациях и ощущениях, превращается в догму. То есть в данность, не нуждающуюся в доказательствах. Некоторые называют это истиной, другие - правдой, третьи - фактом» [14].

Следуя этому определению, мы опять возвращаемся к субъективности правды как продукта полученного исключительно опытным путем (из ощущений и персонального опыта), верного только в данный конкретный момент. Рассматривая одни и те же факты в разные периоды времени или под другим ракурсом, мы получаем другие ощущения, формируя другой опыт. Например, бутылка воды, половину которой уже употребили, для русскоговорящего и украиноязычного является полупустой / напівпорожньої, англоговорящего – полуполной (semicomplete). С такой позиции любая правда может быть опровергнута и реальностью считается только то, что человек воспринимает в данный момент.

Однако для истины находится и более точное определение, близкое к корреспондентскому (классическому): «истина есть соответствие вещи и интеллекта (лат. *veritas est adaequatio rei et intellectus*). В классическом смысле истина – это адекватная информация об объекте, получаемая посредством чувственного и интеллектуального изучения либо принятия сообщения об объекте и характеризуемая с позиции достоверности» [11].

Принимая во внимание концепцию истины как идеи вечного возвращения и переоценки ценностей, выраженную Ницше, и воззрения экзистенциалистов на истину как особый идеальный объект (Ж.Маритен, Н.Гартман и др.), понятие истины аккумулировалось как «верное отражение объекта познающим субъектом, воспроизведение его таким, каким он существует сам по себе, вне и независимо от познающего субъекта и его сознания. Истиной может называться само знание (содержание знания) или сама познанная действительность. В целом, истина есть универсальная категория, понятие, используемое, в частности, как в религии и философии, так и в рамках научного познания. Противоположным истине является понятие лжи. В логике критерием истинности выступает логическая правильность: относительная полнота формально-аксиоматических систем и абсолютное отсутствие в них противоречий. В разделах науки (физике, химии, истории, социологии и др.) категория истины обладает двойственной характеристикой. С одной стороны, истина есть в традиционном понимании цель научного познания, а с другой – это самостоятельная ценность, обеспечивающая принципиальную возможность научного знания совпадать с объективной реальностью, как минимум быть комплексом базовых решений теоретических и практических задач» [11], в то время как правду в современной философской литературе определяют как «творческую ложь» [6]. Существует так же отдельное понятие исторической правды, меняющейся вместе с политическим курсом государства. Примечателен так же факт, что даже разделившись на

абсолютную и относительную, истина не утрачивает сакральных черт: «Абсолютная истина – это полное, исчерпывающее знание о мире как о сложно организованной системе. Относительная истина – это неполное, но в некоторых отношениях верное знание о том же самом объекте... Разновидностью относительной истины является правда». [5]

При рассмотрении истины как философского понятия, введенного Парменидом как «противопоставление мнению», критерием ее всегда признавалось тождество мышления и бытия. Начиная с античной философии, где согласно концепции Платона истина трактовалась как сверхэмпирическая идея, всеми поколениями философов признавалось вневременное ее свойство. В средние века данную концепцию развивал Августин, позднее, в XVII Декарт развил эту концепцию, привнес в нее идеи Аристотеля и Фомы Аквинского, развивавших это учение с позиций гармонии познающего разума и христианского способа мышления. Классическая концепция так же признавалась Гегелем и Марксом, а так же французскими философами-сенсуалистами. Следует отметить тот факт, что истина как результат познания (а так же сам объект познания) в классической концепции неразрывно связываются с предметно-чувственной сферой, трансформируя понятие из статичного явления в динамический процесс.

В настоящее время выделяются следующие виды истины:

- «Абсолютная истина – источник всего, то из чего все изошло. Абсолютная истина как минимум содержит в себе все воспринимаемые нами качества и характеристики.
- Относительная истина – философское понятие, отражающее утверждение, что абсолютная истина (или истина в последней инстанции) трудно достижима. Согласно этой теории, можно только приближаться к абсолютной истине, и по мере этого приближения создаются новые представления, а старые отбрасываются. Теории, утверждающие существование абсолютной истины, часто называют метафизикой, относительной истины – релятивизмом. Понятие относительной истины используется в учении о диалектике. Разновидностью относительной истины является правда.
- Объективная истина – это такое содержание наших знаний, которое не зависит от субъекта по содержанию (по форме всегда зависит, поэтому истина субъективна по форме). Признания объективности истины и познаваемости мира равнозначны и не имеют ничего общего с относительным понятием иррационалистической философией.
- Необходимая истина – знание, достигнутое в результате совокупности связанных внутренней последовательностью действий.
- Случайная истина – знание, полученное вне зависимости от целенаправленных действий познающего субъекта.
- Аналитическая истина имеет место тогда, когда приписываемое объекту свойство содержится в самом его понятии с необходимостью.
- Синтетическая истина – это познавательная ситуация, в рамках которой раскрытие некоторого свойства требует внесения дополнительной (зачастую случайной) информации об исследуемом объекте в понятие об этом объекте" [3].

Что же касается теоретического осмысления истины, все теории делятся на 2 большие группы: группа теорий, определяющих понятие «истина» и группа теорий, устанавливающих правила употребления слова «истина».

Теории истины (концепции истины), дающие определение истине:

- Классическая линия понимания истины:

Корреспондентская концепция: истина – это соответствие мысли (высказывания) и действительности (вещи), представление, предельно адекватное или совпадающее с реальностью (Аристотель, средневековая философия, философия Нового времени, Гегель); способы установления соответствия мысли и действительности:

- Авторитарная концепция: истина – это убеждение и/или доверие авторитету (средневековая философия, богословие)

Теория истины как очевидности: истина – это «ясное и отчетливое представление» (Р. Декарт, Ф.Брентано, Э. Гуссерль)

Теория истины как опытной подтверждаемости (Дж. Локк, М. Шлик)

- Семантическая теория истины: поскольку высказывание о высказывании порождает семантические парадоксы, вводится запрет на определение понятия истины в теории, использующей данное понятие; требуется построение метатеории, задающей условия понимания истины для исходной теории [19]

Неклассические концепции:

- Конвенциональная теория: истина – это результат соглашения (А. Пуанкаре, Т.Кун)

- Когерентная теория: истина — это характеристика непротиворечивого сообщения, свойство согласованности знаний (Р.Авенариус, Э.Мах)

Прагматическая теория: истина — это полезность знания, его эффективность, то есть истинным является сообщение, позволяющее достичь успеха (Ч. С. Пирс)

Теории истины (концепции истины), устанавливающие правила употребления термина «истина» при разворачивании исследований:

- Дефляционная теория (концепция избыточности (redundancy)): слова «истина», «истинный», «истинно» излишни, поскольку избыточны для процесса познания: если делать утверждение об истинности некоторого предложения, то приходится высказывать само это предложение, отрицание же предложения означает его простое отрицание (А.Айер, М.Даммит и др.)

- Перформативная теория: слова «истина», «истинный», «истинно» являются перформативами в рамках теории речевых актов (П. Ф. Стросон) [3].

Отдельного рассмотрения достойна христианская концепция истины: это не абстрактная универсалия, а основополагающая личность существовавшего в реальности Иисуса Христа, коий «есть путь, истина и жизнь» [1,14:6]. Рождая при изучении надежду на спасение и дальнейшее пребывание в Царстве Божьем, данная концепция удовлетворяет потребности духа, души и разума,

позволяя познавать посредством изучения, стремиться возвыситься посредством духа и любить посредством души.

На основании вышеизложенного мы можем сделать следующий вывод: в процессе функционирования в богословском и философском дискурсах дуальный концепт «правда/истина», являясь изначально синонимичным, претерпел ряд семантических трансформаций. Правда как понятие расширилось за счет исторически приобретенных коннотаций, которые в определенных случаях добавили отрицательных оттенков основному значению. В религиозном дискурсе как на базе русской, так и украинской ЯКМ понятия истины и правды остаются максимально приближенными, тем самым обнаруживая сходство с английским концептом “truth”. В философском аспекте правда претерпевает ряд изменений, становясь разновидностью относительной истины. В социально-бытовой сфере в русском и украинском языках правда приобретает максимальное число негативных коннотаций, в то время как в английском расхождений почти не наблюдается.

ЛИТЕРАТУРА

1. Библия, Ин. (14:6). – Российское Библейское Общество, 1998 – 1056 с.
2. Василевский Д. <http://www.belintellectuals.eu/publications/355/>
3. Википедия. <http://ru.wikipedia.org/wiki/>
4. Гитлер А. Майн Кампф. - Свитовид, 2003 – 704с.
5. Грицанов А.А. Новейший философский словарь. - Мн., 1998 - 896 с.
6. Грошек И.: Философия как игра. «Философская газета», 2002
7. Даль В. И. Толковый словарь русского языка. Серия: Российская императорская библиотека. - Эксмо, 2010 - 928 с.
8. Исупов К.Г.: Культурный концепт «учитель/ученик» на фоне русской «правды» Диалог в образовании. Сборник материалов конференции. Серия “Symposium”, выпуск 22. СПб.: Санкт-Петербургское философское общество, 2002.
9. Корольков А. А. <http://old.portal-slovo.ru/rus/art/>
10. Кравчук Т.Б. Несколько истинных слов о лжи <http://www.myjane.ru/articles/text/>
11. Мудров Ю.: Что такое правда и что такое ложь? <http://www.proza.ru/2009/>
12. Ротенберг В.: «Философия иллюзий или, надо ли смотреть правде в глаза» http://www.rjews.net/v_rotenberg/5.htm
13. Татищев. В.Н. Избранные произведения. Разговор двух приятелей о пользе науки и училищах. - Л., 1979 - с. 99
14. Тихонов Р. Мироззрение. Квантовая философия. <http://www.sunhome.ru/philosophy/12294>
15. Успенский Б. Избранные труды, том 1. Семиотика истории. Семиотика культуры. - М.: Гнозис, 1994. - 432 с.
16. Успенский Б. Крестное знамение и сакральное пространство: Почему православные крестятся справа налево, а католики – слева направо.- Наука, Образование, Религиоведение.- М.: Языки славянской культуры, 2004 – 98с.
17. Шепитько С.В., Волошина О.В. Порівняльний аналіз вербального втілення концепту «правда» (на матеріалі російської, української та англійської мов). – Філологічний вісник МДГУ, - 2009 - 232с.
18. Шукшин В.М. Нравственность есть Правда. М., 1979 – 52с.
19. Alfred Tarski, 'The concept of truth in formalized languages', Logic, Semantics and Metamathematics, Oxford. University Press, Oxford. – 1956.

SUMMARY

This article tackles the problem of methodological base for complex studying of the dual concept “truth / verity”. The author considers aspects of functioning of the concept in theological and philosophical

discourse and suggests various definitions, taking into account negative connotations the notion assumed historically.

Маргарита Казніна

ДО ПИТАННЯ ІСТОРІЇ ФОРМУВАННЯ НОВОГРЕЦЬКОЇ МОВИ ТА ЇЇ ПРАВОПИСУ

Статтю присвячено розв'язанню одного з найактуальніших питань мовознавства – орфографії новогрецької мови. Суть проблеми пов'язана з історією формування самої новогрецької мови, з походженням монотонічної системи з політонічної і переходом офіційної мови держави від катаревуси до димотики. Наукову новизну дослідження зумовлено тим, що в ньому вперше у вітчизняній елліністиці зроблено спробу визначити основні етапи становлення грецького правопису.

Орфографія, за Оленою Селівановою – «система правил написання, що історично склалася у певній мові і кодифікована в орфографічних словниках і правописі» [2, с. 435]. Грецькі лінгвісти під орфографією розуміють «історичний зв'язок, який утворився між усною формою будь-якої мови та її письмовим відтворенням» [7, с.1]. Сьогодні більшість систем письма, в тому числі і новогрецької мови, – абеткова (фонографічна), тому ми детально зупинимося на правописі таких систем. Абеткове письмо - це категорія графічної системи, в якій графеми передають фонему, тобто елементи мови виконують дискреційну функцію на фонетичному рівні: $\lambda\acute{o}\nu\omicron\varsigma$, $\tau\acute{o}\nu\omicron\varsigma$, $\gamma\acute{o}\nu\omicron\varsigma$, $\mu\acute{o}\nu\omicron\varsigma$, $\kappa\acute{o}\nu\omicron\varsigma$. Письмо новогрецької мови - літературно-звукове, тобто кожна літера пристосована до певної фонему або звука, а саме – вокалізовано-звукове. Воно розвинулося на підставі першого, а його впровадження належить стародавнім грекам, які, запозичивши фінікійське письмо, пристосували його до власної мови. Грецьке архаїчне письмо стало базовим для писемності європейських мов [2, с.463].

Як і більшість європейських мов, новогрецька має історичну орфографію, тобто правопис наслідує не вимову сьогодення, а вимову попередніх часів. В результаті орфографічні системи таких мов представляють аномалії. Наприклад, у новогрецькій складно правильно написати слово, яке чуєш або вимовляєш, тому що велика кількість заплутаних правил не є достатньою для розрізнення «вимова-письмо». Так, розмежування між закінченням іменника і дієслова: $\lambda\epsilon\acute{\iota}\pi\epsilon\iota$, $\lambda\acute{\upsilon}\lambda\eta$, $\lambda\acute{\iota}\lambda\eta$ можливе тільки в контексті. Явище, коли правопис мови відображає давній, а не сучасний мовний стан, називається історичною орфографією. У більшості європейських мов орфографія сьогодні історична. Орфографія ж новогрецької мови сягає корінням в давньогрецьку, такою і залишилася на сучасному етапі. В елліністичний період на основі аттичного й іонійського діалектів сформувалося давньогрецьке койне у двох різновидах – літературному та розмовному. Пізніше, під римським впливом спостерігається повернення до аттичної літературної норми, що призвело до розбіжностей між літературною й розмовною мовою, і дало поштовх до розвитку двох мовних традицій. Згідно з А. Білецьким, «...загальний елліністичний діалект»... поступово перетворився на новогрецьку...» [1, с.189]. Перший грецький алфавіт було створено з метою з точністю відтворити звуки давньогрецької мови. Можна сказати, що це була одна зі спроб фонетичного відтворення мови. Як відомо, перші системи абеткового письма включали в себе тільки великі літери без жодних знаків наголосу.